

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Вестник РУДН серии «Теория языка. Семиотика. Семантика» открывает новую рубрику — «Теоретическое наследие», в которой будут публиковаться интересные, иногда незаслуженно забытые работы ведущих ученых-гуманитариев.

Настоящая публикация представляет работу проф. Г.П. Мельникова, которая была опубликована впервые и единожды в журнале Благотворительного фонда «Дельфис» в 2001 г., № 1. — *Редколлегия.*

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МЕЛЬНИКОВА ГЕННАДИЯ ПРОКОПЬЕВИЧА
(1928—2000)**

**ГДЕ ЦЕНТР
ГЛУБИННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ?
Идеи евразийства в свете достижений
системной типологии языков***

Г.П. Мельников
доктор филологических наук

Современная системная типология языков представляет собой отрасль системной лингвистики, под которой понимается такая концепция онтологии и причин типологических перестроек языка, последовательные этапы уточнения и развития которой представлены трудами В. фон Гумбольдта (1767—1835), И.И. Срезневского (1812—1880), А.А. Потебни (1835—1891), Бодуэна де Куртенэ (1845—1929).

В противоположность точке зрения сторонников «нового учения» Н.Я. Марра (1864—1934), отказывавших в научной состоятельности практически всем существовавшим в то время лингвистическим концепциям и сформировавшимся на их основе методам, современная типология языков обосновывает **взаимодополнительность** представлений о четырех «морфологических» классах языков Гумбольдта как со «стадиальной» классификацией языков (Мещанинова—Климова (1)), так и с «ностратической» гипотезой дальнего генетического родства языков Северной Евразии, а также с соображениями Бодуэна о главной, определяющей черте различия между языками индоевропейского и туранского строя. По его предположению, во *флективных* языках связь между компонентами речевого потока — **предупреждающая** (как бы взгляд в будущее. — *Ред.*), а в *агглютинативных* — **напоминающая** (как бы взгляд в прошлое. — *Ред.*).

А.А. Потебня доказал, что усиление флективной техники началось уже на первых этапах становления индоевропейского строя, и особенно последовательно «склон» к флективности, а с ней — ко все более широкому использованию приемов *гипотаксиса* (подчинения) на всех языковых ярусах, наблюдался в славянских языках. Углубляя идеи Гумбольдта, Срезневский отмечал, что в истории развития языков иногда складываются внешние условия (например, многоязычие), ведущие к ослаблению флективной техники, к возрастанию роли *паратаксиса* (последовательного присоединения, а не подчинения), аналитизма (2). Но если этот внешний фактор оказывается лишь временным, исходная тенденция к усилению гипотаксиса как основы флективного строя, восстанавливается.

Важна также вскрытая Бодуэном закономерность: если два территориально близких народа находятся в тесном культурном взаимодействии, то более синтетический из взаимодействующих языков перестраивается, причем в направлении развития аналитизма.

* Статья была опубликована в 2001 г. в Журнале Благотворительного Фонда «Дельфис», № 1, в разделе «Евразийство». — *Редколлегия.*

Н.С. Трубецкой (1890—1938), вождь теории евразийства, по существу исходил из представлений о существовании абсолютной оптимальности строя языка и склонен был приписывать реальным языкам ту или иную степень отклонения от оптимальности — либо в сторону излишней усложненности, либо излишней упрощенности языкового строя. К чрезмерно усложненным он относил, например, языки Северного Кавказа, то есть языки, которые, по Гумбольдту, должны квалифицироваться как варианты *полисинтетических* языков (см. Приложение. — Ред.). К излишне упрощенным Трубецкой относил *корнеизолирующие* языки Южной и Юго-Восточной Азии. Очевидно, что строй флективных индоевропейских языков, в том числе славянских, оказывается, по Трубецкому, ближе к оптимальному, но наиболее ярко оптимальность соотношения между синтетизмом и аналитизмом представлена в туранских языках, и особенно — в тюркских.

Если признать, исходя из идей евразийства, что культурная общность Восточной Европы, ареала расселения индоевропейцев-славян и, следовательно, носителей флективных языков, складывалась в условиях тесного взаимодействия и слияния с туранскими народами — носителями языков более аналитического, агглютинативного строя (см. Приложение. — Ред.), то представляется на первый взгляд странным тот факт, что в недрах евразийской общности, на всем протяжении писаной и реконструируемой истории, в славянских языках евразийского ареала флективный строй наиболее последовательно развивался в своем типическом направлении совершенствования техники «предупреждения», а в тюркских аналогично — наиболее последовательно совершенствовалась техника «напоминания». Не вытекает ли из этих фактов, что уникальность евразийского ареала заключается как раз в том, что форма существования «пахарей»-славян и «всадников»-тюрков обеспечивала высокую степень независимости развития их культур и языков?

Исследование Срезневским особенностей лексики, заимствованной восточными славянами из тюркских языков, показало, что она имеет отношение прежде всего к сферам административного, хозяйственного и бытового, но не духовного взаимодействия. В то же время ее доля в русском языке ничтожна по сравнению, например, с долей французских слов в немецком языке, хотя никому не приходит в голову на этом основании говорить о некотором особом франко-германском культурном единстве.

Перейдем теперь к оценке идей евразийства с опорой не на «морфологическую», а на «стадиальную» классификацию языковых типов (см. Приложение. — Ред.). Представление о последовательной стадиальной перестройке языковой системы естественно предполагает, что существует некий единый фактор, количественный рост которого вызывает переход языка из одной стадии и в другую. На начальном этапе становления стадиальной классификации языков некоторые специалисты опирались на марксистские декларации Марра, согласно которым таким фактором в истории развития языков служит смена экономического базиса. Другие были больше склонны связывать причину смены стадий языкового строя с этапами развития интеллекта народа, с глубиной его представлений о субъектно-объектных отношениях.

Современная системная типология языков обосновывает положение о **равном** интеллектуальном совершенстве всех языковых систем мира. Причиной же

различия в языковой технике считается соотношение лишь таких факторов, которые благоприятствуют или препятствуют успешному речевому общению в наиболее типичных для данного народа случаях. К числу главных из этих параметров относятся: **величина языкового коллектива, степень его однородности, длина цепей передачи информации, наличие или отсутствие больших интервалов между «сеансами» общения.**

С учетом сказанного выясняется, что строй языка тем ближе к полисинтетичности, чем меньше однородный коллектив, который является носителем языка: и тем ближе этот строй к флективности, чем коллектив больше, при условии его однородности и оседлости. Агглютинативный строй развивается при общении в условиях регулярных длительных перерывов, что связано прежде всего с жизнью больших коллективов скотоводов-кочевников; *корнеизоляция* закономерно возникает в процессе превращения разноязычного и разнокультурного населения в одну целостную нацию. Следовательно, современная системная типология языков не стремится «вставить» корнеизолирующие и агглютинативные языки в ту же стадильную последовательность, начало которой представлено *предельно полисинтетическими* языками, а конец — языками флективного типа.

В промежутке между этими двумя языковыми полюсами оказываются стадии полисинтетических языков, в большей или меньшей степени специфически использующие глаголы (специальные морфемы, то есть значимые части слов, в структуре глагола часто выступающие как целое предложение. — *М.И.*).

Таким образом, современная системная типология доказывает взаимодополнительность «стадильной» и «морфологической» классификаций типов языков мира. Но чтобы из этого факта сделать полезные выводы относительно решения проблем евразийства, необходимо хотя бы столь же кратко изложить отношение современной системной типологии к гипотезе древнейшего ностратического родства языков Северной Евразии (позже распространившихся и в Северной Африке). Согласно такой гипотезе, эти языки расщепились на Восточную и Западную ветви; в настоящее время их потомки представлены прежде всего уральскими языками и народами (финно-угорскими, самодийскими) и алтайскими языками и народами (тюрко-монгольскими и тунгусо-маньчжурскими), с одной стороны, и картвело-индоевропейскими и семито-хамитскими, с другой. Все восточно-ностратические языки Трубецкой объединял термином «туранские», хотя вопрос об их внутреннем генетическом родстве между собой и, тем более, с индоевропейскими языками в то время был недостаточно разработан.

Опираясь на имеющиеся реконструкции исходных состояний Восточной и Западной ностратической ветвей, современная системная типология языков развивает следующее положение. Западная ветвь начала отделяться от исходной общей ностратической во времена неолита. Тогда у охотников-собирателей в горных долинах зародилось земледелие и вызванная этим оседлость. Оседлость содействовала одомашнению животных и птиц, особенно когда земледелие начало распространяться и в равнинную лесостепную зону. Накопление культуры отгонного скотоводства обеспечивало возможность земледельцам в районах неустойчивого урожая полностью переключаться на кочевое скотоводство. Так, западные ностратические народы и языки дали начало «долинной» ветви (картавельской) и лесо-

степной «равнинной»). Потомки *земледельческой оседлой* части представлены *индоевропейскими* народами и языками, а потомки *скотоводческой кочевой* части — *семито-хамитскими* народами, которые, после их отделения от земледельцев, продвигались постепенно на Запад, вплоть до атлантического побережья Северной Африки.

Восточно-ностратические народы в основном оставались охотниками-собирающими и, следовательно, жили сравнительно небольшими однородными коллективами, так что в их языках большую или меньшую роль играла *инкорпорация* (3). Во всех уральских языках следы инкорпорации наиболее явно представлены благодаря сохранению особых показателей именных классов (4), что необходимо для выражения субъектно-объектных отношений. Но среди алтайских народов тюрки, а потом через них монголы, заимствовали у первокочевников-семитов и даже усовершенствовали культуру кочевого скотоводства; и без промежуточного флективного языкового строя непосредственно из техники инкорпорации создали тот вариант агглютинативного языкового строя, оптимальностью которого восхищался Трубецкой. Поэтому естественно, что именно в тюркских языках труднее всего обнаружить следы былой инкорпорации, и среди алтайцев именно тюрки и монголы, подобно семитам, оказались способными создавать большие государственные объединения на базе кочевого скотоводства.

Семитские языки также отличаются высокой степенью регулярности, но для этого семитские народы в новых условиях общения должны были «перепрививать» флективную технику, в связи с чем многие типологи относят семитский строй к промежуточному — флективно-агглютинативному (например, Ф.Ф. Фортунатов). Элементы скотоводства стали в той или иной мере осваиваться и восточно-ностратическими народами.

С позиции современной системной лингвистики, главным внешним фактором, задающим направление развития строя языков кочевников-скотоводов, является потребность обеспечения эффективного общения, несмотря на то, что в течение довольно длительного периода в годовом цикле большая часть населения вынуждена локальными пастушескими группами, каждая со своими стадами, разбредаться самостоятельными маршрутами, а встретившись по окончании этого периода отсутствия общения, без труда передавать друг другу накопившиеся взаимно и социально значимые новости. При этом главной задачей говорящего оказывается прежде всего **напоминание** слушающему того сюжета, относительно которого за период перерыва общения накопилась важная информация.

Как уже было сказано, именно эту «напоминательность» языковой техники как главной черты туранского агглютинативного строя отметил более ста лет назад Бодуэн. А недавно стало известно, что к выводу о существовании такой особенности строя агглютинативных языков, но уже на примере арабского, пришел в 40-х гг. XX в. Гюстав Гийом. При этом тот факт, что многие грамматические морфемы (5) семитских языков этимологически родственны флективным морфемам индоевропейских языков, не делает семитские языки ни флективными, ни хотя бы флективно-агглютинативными, ибо, как показано в исследованиях В.П. Старина и И.А. Мельчука, а также в ряде работ по современной системной

лингвистике, функционально эти морфемы в семитских языках из флексии (6) давно превратились в агглютинативные аффиксы (см. Приложение. — *Ред.*).

Что же касается работ по современной системной лингвистике, то изложенные в ней в конце 60-х гг. XX в. закономерности в строе агглютинативных языков были не просто переоткрыты: ранее лишь констатируемые, они получили функциональное системное объяснение.

В свете сказанного понятно и то, что индоевропейская ветвь западно-ностратической общности, оказавшись на благоприятных для земледелия черноземных равнинных просторах, получила возможность разрастаться количественно и территориально благодаря совершенствованию земледельческой культуры. Но на пути создания необходимых для этого условий постоянного обмена общественно полезным опытом возникли и стали непрерывно увеличиваться серьезные препятствия. Будучи привязанным к своему хозяйству, к пашне и к скотине, земледелец может узнать или сообщить что-либо важное в основном при общении лишь с ближайшими соседями, а сведения от соплеменников из удаленных краев разросшейся земледельческой общности могут быть получены только через очень длинные цепи ретрансляции новостей из уст в уста, от соседа к соседу.

Становление строя *флексивного индоевропейского языка* явилось следствием последовательного приспособления языковой техники, выработанной на всех предшествующих стадиях разрастания однородных языковых коллективов, начиная с микроколлективов охотников-собирателей, то есть носителей предельно инкорпорирующих языков. Стадии начальных этапов оседлости, с их развитой системой именных классовых показателей, послужили для флексивных языков главным резервом маркировки морфем с вещественным значением. Имеется в виду маркировка формальными показателями их принадлежности к той или иной грамматической категории все усложняющейся синтетической флексивной грамматике. А она способна, при рассмотренных условиях общения, уберечь канал передачи информации от возникновения эффектов «испорченного телефона».

Говорящий на флексивном языке озабочен прежде всего тем, чтобы помочь слушающему как можно раньше заметить самому, что в канале передачи речевой информации произошел какой-либо сбой. Для этого он организует свою речь на всех ярусах и уровнях по возможности так, чтобы собеседник из уже услышанного мог хотя бы приблизительно догадываться, что может, а что не может появиться в последующей части речевого потока. И пока эти догадки оправдываются, слушающий уверен, что все сообщенное ему он понял правильно и поэтому эстафету новостей может передавать следующему собеседнику. Следовательно, все те приемы, которые способны помочь слушающему догадаться, что говорящий сообщит ему дальше, на основе того, что уже было сказано, развивались и закреплялись в процессе становления флексивного языка в том ареале его распространения, где земледелие оставалось основой существования носителей языка, то есть, прежде всего, в ареале восточноевропейского расселения славян.

В работах по современной системной типологии языков показано, что одним из главных следствий развития «предсказательной» техники представления сообщаемой информации оказывается выработка средств и приемов «вписывания» передаваемого содержания в реальный или хотя бы в метафорический сюжет раз-

вивающегося события. Поэтому в строе флективных языков, и особенно славянских, формально четко противопоставлены знаки, называющие первотолчок события (глаголы), участников события (имена), автора первотолчка (именительный падеж имени), участника, непосредственно испытавшего воздействие этого первотолчка (винительный падеж прямого объекта), и т.д. Благодаря этому прозрачной оказывается причинно-следственная связь этапов развития описываемого события, чем и обеспечивается слушающему возможность делать и проверять прогнозы относительно характера последующей информации об этом событии.

Так подтверждается обычно подчеркиваемое богатство средств представления субъектно-объектных отношений в строе флективных языков. Однако при этом обнаруживается, что данный факт отражает особенности лишь условий общения в земледельческих индоевропейских коллективах, но не имеет никакого отношения к уровню развитости интеллекта индоевропейцев.

Таким образом, функционально оправданная «напоминательная» кочевническая техника представления информации, адресуемой собеседнику, и земледельческая «предсказательная» техника по-разному ориентирует слушающего. Кочевник заставляет собеседника обращать внимание в первую очередь на то, каким был предмет разговора до сезонного перерыва в общении и каков он теперь, независимо от того, как и когда протекало названное превращение. Земледелец, наоборот, детально описывает причинно-следственную цепь этапов преобразований при более детальной констатации места и времени каждого этапа.

У кочевника очень широкие географические представления: на границах ареала кочевий он встречается и знакомится с иными культурами и народами, тогда как хлебопашец знает обо всем этом лишь понаслышке. Но зато возле своей деревни он «в лицо знаком» с каждым деревом, может рассказать его биографию, тогда как кочевник имеет о данном виде дерева определенного возраста лишь усредненное представление.

В работах по современной системной типологии показано, что все это ведет к различиям общего мировоззрения землепашца и кочевника, к разной восприимчивости тех или иных религиозных представлений, к противоположности предпочтений в области музыкального и изобразительного искусства и т.д. Следовательно, в ареале контактов «всадников» с «пахарями» Восточной Европы складываются условия, благоприятные не для слияния, а именно для *независимого существования и развития духовной культуры тюрков и славян, несмотря на их тесные материально-хозяйственные и административные взаимодействия*, что, в частности, как отмечалось выше, проявилось и в характере лексики, заимствованной славянами из тюркских языков. Мудрый политик Александр Невский предпочел терпеть материальную зависимость Северной Руси от ордынских ханов, лишь бы уберечь ее от духовной экспансии со стороны католической Европы...

Обратим еще внимание на особенности преемственности исходного охотническо-собирающего опыта в истории становления земледелия и кочевого скотоводства. Для земледельца этот опыт хотя и перестает играть решающую роль, однако продолжает использоваться как вспомогательный, то есть не теряет общественной ценности: женщины собирают дары полей и лесов, мужчины, несмот-

ря на количество домашней скотины, пополняют запасы пищи и дичью. Развитое крупномасштабное кочевое скотоводство лишает людей возможности заниматься еще и собирательством, и охотой, и соответствующий опыт забывается (как и более свежий земледельческий опыт оказался забытым первоочевниками — семито-хамитами).

Сказанное необходимо учитывать при рассмотрении евразийского взаимодействия славян с представителями не алтайской, а уральской восточно-ностратической ветви народов, то есть не с тюрко-монголами, а с финно-уграми.

Финно-угры в основном оставались (и остаются сейчас) охотниками-собирателями, и контакт с ними был благоприятен для славян как фактор освежения в памяти той интуиции и того миропонимания, которое накапливалось с самых глубоких эпох существования человечества, ибо подсознательное ощущение объективной ценности этого миропонимания никогда не покидало потомственного землепашца. И, соответственно, финно-угры получили возможность естественно нарастить и расширить свою интуицию за счет опыта земледельцев именно благодаря наличию, а не ценой утраты своего охотничьего-собирательского опыта. Следовательно, **об органичном духовно-культурном сплаве славян с соседями-неславянами на территории Руси можно говорить прежде всего в отношении финно-угров, но не тюрков.** Роль тюрков в формировании этого сплава проявилась в основном лишь в том, что они почти не мешали этому процессу, а своим наличием существенно воспрепятствовали вмешательству тех, в чьи интересы не входило существование и углубление этого наиболее многостороннего и целостного собирательно-земледельческо-скотоводческого (но не кочевого) опыта человечества.

Что касается иных компонентов «евразийского» этнического сплава, влияние которых обсуждал Трубецкой, — а фактически он говорит обо всех народах восточно-ностратической ветви, — то трудно указать на какие-либо заметные следы влияния, например, самодийцев или тунгусо-маньчжуров на коренное население Руси или вообще на славянство. И наоборот, если бы не было ни тюркского, ни даже финно-угорского слияния, то все равно в зоне, наиболее благоприятной для развития земледелия, то есть на юге Восточной Европы, а потом и вообще **в Восточной Европе, сложилось бы славянство как своеобразная индоевропейская общность, существенно отличающаяся от западно-европейской, возникшей позже.** И в этом отношении проблема «евразийства» уже без «азиатства» в науке рано или поздно возникла бы. Вариантами постановки этой проблемы и поисков путей ее решения фактически были уже теории сторонников западничества и славянофильства. Но если западники оспаривали, а славянофилы, наоборот, отстаивали право славян считаться настоящими европейцами, а Н.С. Трубецкой и его единомышленники разрешали этот спор утверждением, что славяне — это представители особой евразийской культуры, соизмерять которую с европейской в основном нет смысла, то результаты нашего исследования приводят к следующим неожиданным выводам.

В наибольшей непрерывной полноте ценный доземледельческий и земледельческий восточно-ностратический опыт сохранился на равнинных просторах Восточной Европы, что проявилось в высшей степени развитости специфического

индоевропейского языкового строя — флективного. При этом **западные европейцы, при всех их прагматических достижениях и достоинствах, находятся на периферии этой глубинной европейской культуры, центром которой многие тысячелетия была и пока остается Восточная Европа.** Факт этот становится заметным лишь тогда, когда нечто славянское не удается «измерить общим аршином». И без использования этого, прежде всего, славянского опыта, идущего из глубин подсознания, человечество едва ли сможет найти выход из современных катастроф и катаклизмов. Обсуждение идей евразийства содействует переводу этого опыта из доступного только восточноевропейской интуиции в осознанную программу рациональных действий на основе оптимального синтеза достижений культур всех народов нашей планеты ради осознания смысла появления на ней человечества и определения достойной роли людей в формах существования земной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *И.И. Мещанинов* (1883—1967); *Г.П. Климов* (род. 1928).
- (2) *Аналитизм* — типологическое свойство языка, которое проявляется в том, что лексическое (смысловое) и грамматическое значения выражаются разными средствами: лексическое — полнозначным словом, грамматическое — вспомогательным (например, *буду писать, более сложный*); аналитизм предполагает паратаксис. *Синтетизм* — типологическая черта языка, проявляющаяся в том, что лексическое и грамматическое значения выражаются **внутри** одного слова: лексическое — корнем, а грамматическое — аффиксами (*сложнее; закричу; стены*). *Аффикс* — все, что в слове кроме корня: *суффикс* — то, что после корня. — *Прим. М.М. Игнатъевой (М.И.)*.
- (3) *Инкорпорация* — способ выражения мысли в виде целого речевого комплекса — слова-предложения; см. также Приложение. — *Прим. М.И.*
- (4) Показатели *именных классов* (или *классные показатели*) служат для разграничения существительных по их смыслу (например, класс людей, класс животных и т.п.). — *Прим. М.И.*
- (5) *Морфема* — любая часть слова, которая имеет лексическое или грамматическое значение. — *Прим. ред.*
- (6) *Флексии* — перемены звуков в корне слова (ходить — хаживать); см. также Приложение. — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Мельников Г.П.* Синтез морфологической классификации языков и стадильной (курсы лекций). — М.: Изд-во РУДН, 2000.
- [2] *Мельников Г.П.* Принципы и методы системной типологии языков: Докт. дисс. — М., 1990.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«*Морфологическая классификация*» языков предполагает установление сходств и различий языкового строя, основываясь на наиболее общих и важных свойствах языков, не зависящих от их происхождения. Согласно В. фон Гумбольдту, языки распределяются по четырем классам.

1. **Изолирующие**, или **корнеизолирующие**, языки предполагают, что слова не изменяются, а в предложении роль слова определяется его местом во фразе (в частности, это языки Юго-Востока Азии — китайский, тайский, тибето-бирманский, а также бамаи — Мали).

2. **Инкорпорирующие**, или **полисинтетические** (*лат.* — присоединение), включают в свой состав различные языковые элементы (например, все чукотско-камчатские языки, языки многих индейцев Северной Америки). В них в составе сказуемого в качестве единого члена (без грамматических показателей) с глаголом соединяются не только прямое дополнение, но и другие члены предложения.

3. **Агглютинативные** (тюркские, монгольские и др. языки) обладают техникой агглютинации (*лат.* — приклеивание, склеивание). В них при образовании форм одного слова или нового слова к основе или корню «приклеиваются» в преобладающем количестве случаев стандартные однозначные суффиксы, которые стандартно следуют друг за другом в определенной последовательности (строить — строиться; в казахском: *ат* — лошадь, *атта* — на лошади).

4. **Флективные** (славянские, балтийские языки) противоположны агглютинативным. При образовании форм слова используются аффиксы, прежде всего, флексия (*лат.* — сгибание, переход), или окончание, за каждым из которых закрепляется постоянный комплекс грамматических значений.

Граница между флективностью и агглютинативностью не абсолютна. Русский язык является языком преимущественно флективного типа с элементами агглютинации.

Ностратические языки — одна из макросемей языков (наряду с палеоевразийской и американоиндской). Включает языковые семьи и языки Евразии и Африки, индоевропейские, урало-алтайские, семито-хамитские и др. Генетическое родство обнаруживается в наличии в них около тысячи родственных, генетически тождественных корней и аффиксов слов, называющих части тела, растения, животных, родственные отношения.

Стадиальная классификация языков — представление исторического развития языков как смены стадий (состояний), носящих универсальный характер.

Считается, что три морфологических типа языков представляют собой три последовательные ступени развития языка: изолирующие, агглютинирующие и флективные, причем флективный тип признается наиболее совершенным. Дальнейший период развития рассматривается как период упадка. Например, во флективных языках чаще всего предшествующая словоформа сигнализирует о грамматических значениях последующей, так прилагательное предсказывает род, число и падеж стоящего за ним существительного (новая страна, новую страну).

М.М. Игнатъева*, кандидат филологических наук

**WHERE IS THE CENTRE
OF THE PROFOUND EURO-ASIAN CULTURE:
THE EURO-ASIAN IDEOLOGY IN THE LIGHT OF ACHIEVEMENTS
OF THE SYSTEMIC LANGUAGE TYPOLOGY**

G.P. Mel'nikov

* *Игнатъева Маргарита Михайловна* — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, работала на кафедре вместе с проф. Г.П. Мельниковым. — *Редколлегия.*